

РОЗДІЛ ПЕРШИЙ

ФЕНОМЕН РЕЛІГІЙНОГО ПОСТМОДЕРНУ

Анатолій КОЛОДНИЙ (Київ)

ПОСТМОДЕРН В КОНТЕКСТЕ ІСТОРІЇ ХРИСТІАНСТВА

В общественно́й мысли принято выделять три основные этапы (стазисы) в развитии европейского культурного сознания – премодерн, модерн и постмодерн. По времени и сущности мы не можем увязывать эти этапы из многоконфессиональной эволюцией духовной жизни всего мира, поскольку названные духовные ситуации не нашли своё выражение в развитии каждой из имеющихся религий. Они четко выделяются разве что в христианстве, и то не в каждой из его конфессий, а в развитии этой религии как целостного духовного феномена в контексте всей её истории.

Первый этап – премодерн – хронологически можно начать с IV-V столетий – столетий первых Вселенских Соборов и деятельности Отцов Церкви, когда религия воплощенного и умирающего Бога получила свое выражение в абстрактной и догматически-законсервированной философии Логоса. Премодерн базируется на идее Божьего патернального провидения. Всё существующее в мире есть низшим, производным от Бога, а сам он - «не от мира сего», является самодостаточно сущим. В премодерне Бог приоткрывается человеку через его душу и сердце, а не через разум. Поэтому христианам истину нужно искать не в научном познании, а в Одкровении. Человек премодерна выступает в роли привилегированного посланца Бога на Земле и вместе с тем - верного слуги его. Он не призван изменять стабильные условия своей жизни в мире, поскольку миссией Творца являются сохранение неизменным мировое бытие. Доминирование в мировоззрении премодерна идеи теоцентризма, понимание Бога прежде всего как космиурга, а не только субъекта добра, любви и истины, снимало примат разума, необходимость познания, явилось преградой для той интеллектуальной эллинизации христианства, которую начал апостол Павел.

Премодерн в европейском христианском пространстве находил свое выражение в монотеоцентризме. Религиозными проявлениями его, в частности после раскола христианства 1054 года, были православие и католицизм. Тем не менее католицизм не остановился на исходном христианстве и со временем вывел эту мировую религию за ее раннесвятоотцовскую и соборовую традицию, вывел в мир, сделал христианство социальной религией. Православие же остановилось на этапе премодерна и в его исходных соборных и святоотеческих архаизированных формах сохранилось и поныне в значительной мере благодаря симфонии его церковей с государством, а также массовой необразованности его последователей, благодаря своему распространению в странах отсталых в историческом процессе.

Этап модерна в европейской общественной жизни, а вместе с тем и в религиозной её сфере, начинается с XVI-XVII столетий – времени Реформации. Именно она осуществила перевод Библии на национальные языки, по-новому открыла её миру, возвратила её христианам в чистом виде, без тех дополнений и деформаций, которые внесли у истолкование Библии Отцы Церкви и христианские Соборы первого тысячелетия. Модерн не снял доминирующую в мировоззрении премодерна идею теоцентризму, но дополнил её через свободное изучение библейских текстов так, что открыл двери для доминирования со временем идеи рациоцентризма, возникновения научно-технического

общества. Процесс модернизации вместе с тем был и процессом секуляризации, в котором наука, экономика, государство и, в конечном итоге, сфера личной жизни эмансипировались от религии. Религия вытеснилась из общественной жизни, постала в роли пережитка. Христианство в условиях модерна стало одной из религий среди множества других.

Способом самозащиты, которое избрало в этих условиях западное христианство (прежде всего протестантизм), была демонстрация присущей ему разумности и социальной полезности, стремление свести теологию к этике. Это в конце концов и привело к формированию этицизированного христианства. Христианство из морали сделало Бога. Эта его тенденция сохраняется и ныне.

Со времён модерна мир, как сотворение Божье, стал объектом познания и обнаружения в нем Божьей премудрости. Но со временем этот мир стал осознаваться уже не как творенье Бога, а просто как природа. Модерн не столько поднял человека, как приземлил его, подал как часть естественного бытия, хозяина собственной судьбы. Он получила право на познание мира и собственное корректирование своего существования в нём.

Со времён модерна мир уже не осознаётся как проявление Божье, а выступает прежде всего в качестве объекта человеческой рационализированной деятельности в нем. При этом последняя выступает уже не в качестве формы служения Богу-Творцу, а как выражение самосозидания: человек из слуги Божьего превращается в хозяина собственного существования. Таким образом, модерн - это этап возрастающей секуляризации, этап антропоцентризма, этап рациональности. На смену фантастической вере премодерна приходит рационализованная вера модерна. Если на этапе премодерна человек был ниже Бога, но выше всего иного, то на этапе модерна он стал заложником внешних по отношению к нему, частью им же созданных деструктивных сил. В конце концов ратиоцентризм привёл к краху антропоцентризма, который строился на принципах: мир для меня, а посему я сам должен строить свое собственное бытие в нём .

Модерн послужил благоприятной почвой для развития и распространению протестантизированного христианства. Свидетельством этого является тот успех в историческом прогрессе, который проявили страны с доминирующим протестантизмом, весьма глубокий, осознанный уровень религиозности последователей протестантских течений, использование христианских моральных ценностей в роли неотъемлемой составной образа жизни верных протестантизма, заинтересованность протестантов получением научных знаний и практическим воплощением их в различные области своей жизнедеятельности.

Упадку модерна поспособствовал прежде всего крах иллюзии о всемогуществе человеческого разума. Наступил также крах универсальных моральных ценностей, устоявшихся научных взглядов и выводов, веры в бесконечность исторического прогресса. Для многих «умер Бог», который выступал в роли источника всех ценностей и идеалов. Плюрализация всех сторон общественной жизни – вот основа возникновения пост модерна.

Содержание понятия постмодерн еще не является устоявшимся и имеет большое семейство своих семантических значений. Не станем здесь входить в содержательное поле дискуссий относительно сущности постмодерна, поскольку это не является прямым объектом наших научных интересов. Отметим, что *время перехода к постмодерну датируют серединой 50-х годов прошлого столетия.* Это - послевоенные года, когда после им же создаваемых в войну страхов человек потерял веру в своё достоинство, в какие-то универсальные моральные авторитеты, в общественный прогресс, счастливое будущее, веру в заступничество Бога и в то, что он является источником всех ценностей и идеалов.

Много работ уже написано о постмодерне в философии, искусстве, литературе. В связи с этим возникает вопрос: *существует ли феномен религиозного постмодерна?* Кое-кто из исследователей этого феномена отрицает наличие его в религиозной сфере, а кое-

кто рассматривает его лишь как состояние упадка христианской культуры, как постхристианскую эпоху. При этом используются различные понятия (религиозный постмодерн, постмодерн в религии, христианство эпохи постмодерна, христианский постмодерн, ортодоксальный постмодерн, мультирелигиозный постмодерн и т.п.). Каждое из этих понятий отображает какие-то действительные аспекты ситуации религии в современном мире, имеет свой содержательный характер. Кое-кто из исследователей при этом не говорит о религии вообще, а ограничивается лишь анализом соотношения христианства и постмодерна. При этом речь идет преимущественно об «постхристианской ситуации», поскольку другие традиционные религии якобы переживают свой упадок, потерю идентичности. Но все же *наиболее чётко нынешнюю религиозную ситуацию очертил Х.Кюнг*, который считает, что, с точки зрения религии, модель постмодерна можно определить как экumenическую парадигму, имеющую своей целью единство христианской церкви, мир между религиями и содружество наций. *По его мнению, постмодернистская парадигма создает множественно-ценностный, плюралистически-холистический синтез.*

Какие же *основные эмпирические признаки религиозного постмодерна* и как он обнаруживает себя на разных уровнях функционирования религии – индивидуальном и общественном? Прежде всего отметим, что *постмодернистские черты присущи индивидуальному сознанию современного верующего*, который хотя и существует в какой-то конфессиональной системе, но фактически функционирует в определенной степени вычленившимся из неё. Это находит свое выражение в следующем:

Во-первых, происходит размывание самой идеи Бог. С одной стороны, антропоморфные представления о нём заменяются духовными (Бог - Всемирный Закон, Бог - Абсолют и др.), а со второй - появилась концепция «смерти Бога», точнее - смерти отстраненного от мира Бога, и учение о сопричастности Бога ко всем процессам на Земле и во Вселенной (своеобразная его пантеизация) и о человеке как его соратнике, соисполнителе.

Во-вторых, имеет место произвольный избирательный подход верующего к системе верования своей конфессии, потеря верующими единой цели и выражения своей религиозности; для многих религия выступает скорее как система определенных жизненных моральных норм, а не как картина мира или эсхатологическое учение, поскольку человек практически уже перестал думать на перспективу о своей смерти.

В-третьих, имеем ныне амбивалентное состояние религиозности верующего, эклектический синтез в его голове догматов разных верований (традиционных и нетрадиционных, традиционных верований с невероисповедной мистикой, объединение западной религиозности из восточной).

В-четвертых, исчезает уверенность и убежденность в единоистинности и единовозможности именно своего конфессионального выбора. Как справедливо отмечает Дж. Вейз, «согласно постмодернистскому мышлению, принцип культурного разнообразия означает, что любая группа единомышленников выступает как культура, которую нужно рассматривать такой же хорошей, как и все другие». Постмодернистскими грехами выступает «отношение с осуждением к иноконфессионально принадлежащему», «претензии на монополию истины» и «стремление навязать свои ценности другим». Те, кто подвергает сомнению постмодернистскую догму относительно несуществования абсолютных ценностей, не вписывается в каноны терпимости. Единая ошибочная мысль - вера в истину, единый грех - вера у существования греха.

В-пятых, происходит оличноствление религиозности, перемещение её в сферу индивидуального, потеря религиозностью состояния родовой традиции, средства связей с единоверцами в устоявшихся формах. В этом контексте у протестантов даже появились индивидуальные консультации пасторов по вопросам достижения верными «самореализации». Имеющаяся в наше время индивидуализация (приватизация) религиозности является следствием проведенной эмпирической интерпретации

религиозного постмодерна. Вследствие индивидуализации религиозности появляется какая-то нетерпимость к трансцендентным духовным верованиям, поскольку верующего начинают интересовать преимущественно вопросы «здесь и теперь», непосредственно воспринимаемое, а не поднебесное. Ему более желательным является крепкое здоровье и жизненное богатство, чем какой-то там рай потустороннего мира. Происходит изменение характера Церкви: она все больше пользуется потребительской теологией, которая гарантирует своеобразный «мегапереход» от, образно говоря, журавля в небе на синицу в горсти. Верному обещают излечение его болячек, гарантируют покой и жизненное счастье через освобождение от разных форм зависимости (алкогольной или наркотической), укрепление семьи, высвобождение от аморальных влечений и т.п. А это для него более значимо теперь, нежели какое-то блаженство для его души в посмертном рае. И хотя традиционное христианство, даже классический протестантизм эпохи модерна, которое работает преимущественно на «потустороннюю перспективу» своих верных, считают это искажением Евангелии, подрывом авторитета и изменением характера Церкви, но оно не может этим новым веянием противопоставить что-то более значимое. Молодым верующим больше нравится также развлекательное богословие, по-современному музыкально оформленное богослужение, использование новыми РТ поп-культуры «McChurch» и т.п..

В-шестых, исчезает потребность придерживаться традиций и обрядов именно своей конфессии, образа жизни своего религиозного течения, исчез воцерковленный верующий, потеряла свою сакральность церковно-обрядовая практика, имеет место несоблюдение верными всех традиционно определенных конфессиональных обрядовых форм, произвольность в их формировании и соединении; на смену храмовому приходит телевизионное восприятие богослужений, а поскольку телепередачи таких служений являются поликонфессиональными, то появился подход к своей конфессиональной обрядовой практике как лишь одной из возможных культурно-религиозных традиций.

В-седьмых, вследствие появления межконфессионального семейного симбиоза исчезла семья как «домашняя церковь», а поэтому отходят в зрелищную традицию когда-то сакральные домашние обряды, исчезает необходимость соблюдения традиций и обрядов своей конфессии в домашних условиях, не срабатывает принцип воспроизведения устоявшейся религии как проявление семейной традиции, а вместе с тем, в условиях урбанизации, не срабатывает общественное мнение как фактор-контролёр сохранения и воспроизведение определенных традиционных религиозных форм и функций.

В-восьмых, религия потеряла свою роль морального императива: имеем не этику, а этикет религии; религиозные моральные предписания постают не как нормы, обязательные для соблюдения, а как объект желаний/нежеланий верных при их использовании, как средство, с помощью соблюдения которого можно засвидетельствовать обществу свою определенную конфессиональную принадлежность, верность традиции родителей.

В-девятых, если во времена модерна конфессиональную принадлежность каждого определяли на всю жизнь его родители или же доминирующая конфессия на территориях его проживания, отсутствие возможности познать конфессиональное многообразие религий и избрать какую-то другую, чем родительская, то постмодерн создал условия для широкого выбора и изменений конфессиональной принадлежности. При этом постмодернист открыт для воздействий на него массовой культуры и откровенной коммерции. Постмодерн потворствует потребительскому мышлению, предлагая каждому религию на его вкус. А вот когда при религиевыборе несущественной постаёт истина, то человек начинает выбирать для себя вероисповедание так, как она избирает любой другой товар на рынке: «Нравится это мне или же нет? Это то, что я хочу и что искал, или же следует ещё подумать, поискать и сравнить?». Как видим, это уже новое восприятие религии: для верного важным есть не то, что есть истинным, а то, что есть полезным или же что нравится ему.

В-десятых, известная инклюзивность западноевропейской, «римской» традиции, способной не только развивать своё, а и воспринимать то чужое, что оказывается близким и ценным, способствует тому, что в «ткань» религиозной жизни на Западе - католиков, англикан, различных протестантов - всё больше входит православие, заинтересованность которым здесь становится постоянной. В таких условиях, скажем так, христианские новообразования не стремятся как-то доказывать свою достоверность и истинность, соответствие исходному христианству, а очаровывают ищущего описанием тех достижений, которые он будет иметь, молясь (а точнее -учась) в их сообществе. Пользуясь даже научными достижениями, человека здесь учат тому, как жить в повседневности, как сделать жизнь не испытанием, а радостью. Единственным критерием веры при этом выступает удовлетворение и желание, чтобы оно было истинным и постоянным. Традиционные Церкви не воспринимают это, поскольку они считают, что свои удовлетворения человек должен получать не здесь, в его земном бытии, а там - в потустороннем мире. Стремление человека быть счастливым в этом мире они рассматривают даже как «затеи сатаны». Это многим, особенно молодым людям, не нравится. Они уходят из общин религиозной традиции и идут к новым религиозным течениям.

Постмодерн обнаруживает себя и на общественном уровне функционирования религии, а именно:

Во-первых, происходит активный процесс создания самобытных богословских учений, возникновения различных теологий (теология прогресса, теология работы, теология революции, «черная» теология, теология феминизма и др.). При этом, если раньше основатель нового учения вместе с тем выступал и в качестве творца нового конфессионального направления христианства (Лютер - лютеранство, Кальвин - кальвинизм, Елена Уайт - адвентизм седьмого дня и др.), то ныне теология универсиализируется, в частности работы католических богословов активно используются православными, а работы протестантских теологов изучаются в других христианских конфессиях.

Во-вторых, происходит десакрализация «священных книг»: они выступают уже как культурно-историческое явление, а не как неотрагиваемые святыни, где за каждым словом прячется какая-то божественная истина, таинственный код. При их изучении применяются историко-критические и герменевтические методы современного научного познания. К Библии стали подходить уже как к сакрализованному отражению истории, культуры и мировоззрения давних людей. Попытки утвердить последнее (в частности стремление найти в ней какой-то сокровенный код и др.) остается «гласом вопиющего в пустыне». Вместе с тем исчезает доверие к теологической основе истории и её христианской интерпретации, поскольку, если есть божественная власть над ней, то как можно объяснить допущенное человеколюбивым Бог массовое уничтожение тех же людей в войнах и природных стихиях, допущенное им разрушение человеком экологического баланса природы. Все это размывает традиционное понимание Бога как «основы бытия», промыслителя и благодетеля.

В-третьих, если в первые столетия истории христианства живым воплощением Бога на Земле предстал Иисус Христос, то со времени Отцов Церкви это воплощение перенесли уже и на Церковь - хотя и мистическое тело, но несовершенное. Потом дело пошло дальше: авторитет Церкви подменили авторитетом клира, почитанием его священства. В эпоху постмодерна появилась тенденция гуризации религии, наделение лидеров христианских сообществ (да и не только христианских) какими-то сверхъестественно санкционированными признаками, особой благодатью. Это чрезвычайно четко проявляется в современном харизматизме, каждое из течений которого обожествляет своего пастора-основателя.

В-четвертых, параллельно с обозначенным выше в глазах верующих священнослужители, церковные иерархи и Церковь как религиозная организация теряют

свой бывший авторитет, верующие в массе своей не признают наличия в них каких-то признаков благодати, относятся к ним как к обычным людям, наделенным лишь функцией организатора или координатора. Духовное восприятие Бога исключило потребность не только в духовенстве, но и в специально оборудованном помещении для моления: если Бог всюду, то и молиться ему можно где бы то ни было.

В-пятых, происходит размывание церковной организации как Богом установленного, сакрального учреждения, идет неостановочный процесс дробления, дифференциации имеющихся религий. Институциональная религиозность все больше напоминает религиозный супермаркет - иди и выбирай.

В-шестых, переход от моноцентризма к полицентризма, когда полицентрический мир демонстрирует в концептуальной и аксиологической сферах «радикальный плюрализм», который в контексте развития веры означает наступление конца гомогенной конфессиональной среды. С точки зрения Г. Кюнга, это не только предусматривает решение экуменической проблемы внутри христианства и снятие межрелигиозных коллизий на основе „максимальной открытости относительно других религиозных традиций”, а вместе с тем дает «новый шанс для религии» в понимании места и роли в культурном плюрализме мировоззренческих парадигм.

В-седьмых, Церковь отстраняется от её естественных забот о духовном спасении верующих, спасении когда-то, потом и где-то в потустороннем мире и ориентируется на повседневные проблемы общества. Религия идет не в свои сферы жизни (политику, коммерцию, благотворительность, светское образование, масс-медиа и т.п.), вследствие чего происходит размывание собственно религиозного, на религию переносятся все жизненные проблемы, а в конечном итоге она теряет свою сакральность. Вместе с тем христиане становятся каким-то обособленным сегментом общества вместо того, чтобы быть неотъемлемой частью его культуры. Церковные сообщества постепенно превращаются в специфические субкультуры. Они имеют свои книжные издательства и магазины, свою музыку, свои радио- и телеканалы, даже свои со светскими учебными планами школы и университеты, а то и производства, профессионально-производственные сообщества. В такой способ христиане формируют, параллельно со светской, свою культуру. Заметим, что отход их сообществ из арены светской культуры в условиях модерна происходил, собственно, не из их воли. Существование же этих «христианских культурных гетто» в наше время выступает неотъемлемой частью общей разъединительной тенденции, характерной для постмодерна. Считаем, что в перспективе конфессиональные сообщества христиан будут иметь крепкую жизнеспособную основу. Пребывание в них их верные будут рассматривать как большое благо.

Заземление новых религий на проблемах настоящего своих верных привело к тому, что большинство постмодернистов не воспринимают уже как принцип организации социальной жизни концепции «больших сказаний» (метанарраций, метаповествований), через которые та или иная традиционная религиозная культура пыталась прийти к своим верным. Понятие «метанаррация» избавилось ореола сакрального, заменилось плюрализмом фрагментарного. К таким метаповествованиям принадлежит, в частности, и традиционное христианство, претендующее на абсолютную истину. Вот здесь и вступают постмодернисты в конфликт с такими идеологами прошлых форм христианства, которые считают открытую Богом в Библии истину верной, неизменной и единоистинной. Наряду с ней ореола святости набирают работы основателей новых христианских течений. Происходит не отказ от религии, отрицание её, что характерно для атеизма, а разрушение целостного представления о ней, системного восприятия её, деструкция догматического и социального фундамента существования религиозных организаций, деконструкция социальных функций религии.

Что же воспринимают христианские богословы в постмодернистском мировоззрении? Прежде всего мысль, что люди не могут постигнуть истину полностью, поскольку это прерогатива лишь Бога. Импонирует христианским богословам также

толерантность постмодернистов, поскольку она созвучная библейскому принципу: «Если это возможно с вашей стороны, то живите в мире со всеми людьми» (Рим. 12:18). Эра постмодерна даёт возможность классическому, ортодоксальному христианству (поскольку в её время всё есть истинным) также возвратиться в лоно общественной жизни. В постмодерном обществе при таких условиях пользуется полным доверием консервативное христианство.

На смену трансцендентному, всемогущему и всезнающему Богу в новом христианстве приходит Бог имманентный и динамический, который привлекает человека, как свое творение, к партнёрству с ним. Вместо восприятия им себя как испорченного грехом Адама и осужденного за это всевышним к страданиям существа приходит снятие ответственности каждого человека за тот чужой, Адамов, не её грех, а следовательно - изменение гнева Божьего на его любовь. На место спасения благодаря вере в искупительную жертву Иисуса Христа приходит вера в дарованное спасение именно Духом Святым через простое наследование каждым в своей жизни примера праведного поведения и мышления Иисуса Христа. Своей смертью Иисус не искупил наши грехи, а лишь засвидетельствовал свою любовь к нам и вместе с тем научил этим нас взаимной любви. Таким образом, слово Евангелия, согласно христианскому постмодерну, несет верным не свидетельство наказания грешников и милостивого спасения их благодаря вере в Христа, а Божью любовь, которая должны обеспечить с помощью Святого Духа полноценную и счастливую жизнь на Земле. Если Бог в классическом христианстве представал таким, что существует лишь для своего личного счастья, поскольку он свой гонор ублажил даже смертью собственного сына, то теперь он уже предстаёт в роли заботливого отца о своём творении, в качестве доброго существа, которое занято по-деловому сугубо земными, посюсторонними человеческими делами и проблемами.

Таким образом, в эпоху постмодерна в современном христианстве на смену лозунгу «как я могу спастись» приходит лозунг «как я могу стать счастливым».

Появление религиозного постмодерна не означает, что он приходит на смену религиозному модерну и предшествующему ему религиозному премодерну, который, кстати, еще обнаруживает свою живучесть в тех островках в общем умирающего православия, которые еще сохранились преимущественно в отсталых в общественном прогрессе странах. Религиозный постмодерн теологически является нейтральным, поскольку не отрицает религиозные идеалы и авторитеты. Он не ведет к полному отказу от религии, т.е. к атеизму, но, образно говоря, заземляет её на повседневность. Происходит такая деконструкция религии как духовно-социальной подсистемы общества, а также интегрирующих ее социальных функций, когда она теряет свою целостность, системность и приобретает иррациональный, фрагментарный, противоречивый характер. При этом происходит такая прямая деструкция религиозных организаций, что они иногда даже теряют из-за этого как догматические, так и социальные основы своего существования .

Особенностью религиозного постмодерна есть не только то, что он создает условия для возникновения многих новых религий, а и начинает процесс межконфессиональной синкретизации, что происходит на основе отбора из разных религиозных систем того, что, как это говорят, с признанием его как истины по вкусу реципиенту, хотя при этом может иметь место и отход от основ христианского вероучения. Постмодернистская религиозность отходит от сущности доминирующих до неё трансцендентных верований. Этот отход обусловлен определенным равнодушием верных к пропагандированным традиционным христианством ожиданий Неба, заинтересованностью их прежде всего добрым здоровьем, благосостоянием и счастливой жизнью «здесь и теперь». Повторяясь мыслью, образно скажу: постмодерн заменяет «теологию креста» «теологией славы». Кое-кто называет последнюю еще «терапевтической теологией», поскольку она, вместо идеи греха и спасение в потустороннем мире, предлагает психологическое здоровье, а то и исцеление от разных болезней.

Отмечая те возможности, которые открывает постмодерн для возрождения христианства, и те признаки этого, которые уже появились, заметим, что это не является тождественным возрождению всех христианских конфессий, христианских церквей, хотя религия в эпоху постмодерна функционирует не только в личной сфере жизни людей, а и в общественной, в больших религиозных движениях современности.

Происходит новое открытие религии, возвращение к религиозному началу, которое имеет, правда, амбивалентный характер. Но это не означает, что постмодерн предусматривает наставление и следование букве, а не духу Библии. Этот путь является опасным и непродуктивным для конфессионального христианства с его задогматизованным вероучением и устоявшимся обрядодееанием. К тому же, в религиозной жизни должны быть реализована утверждаемая постмодерном свобода не только религии, вероисповеданий, а и свобода в религии. Если первая открывает пространство для сосуществования различных религиозных парадигм и вместе с тем пространство для экуменической парадигмы, сориентированной в конечном счёте на единство христианских сообществ, согласие между ними, то вторая - открывает возможности для пребывания верных в одном конфессиональном сообществе при наличии у её членов различных точек зрения, различного понимания того или другого аспекта христианского вероучения. И здесь благоприятным будет вывод известного религиоведа Г. Кюнга, что оптимальная верность собственной религиозной вере (внутренняя перспектива) и максимальная открытость относительно других религиозных традиций (внешний аспект) не исключают одно другого. Это - путь, который ведет к взаимопониманию, которое не создает какую-то единую религию, но может оказывать содействие действительному примирению между различными религиозными системами.

Процесс постмодернизации христианства (используем такое понятие) идёт не сверху от его конфессиональных идеологов или руководителей. Постмодернизируют его просто верные под влиянием новых реалий их общественного бытия, свободных возможностей для своего религиевыявления и своего личностного прочтения христианства. Имеем не кризис христианства, а кризис Церквей, которые стремятся иметь монополию на его презентацию. Но опыт истории свидетельствует, что Церкви, которые в того или другой способ тормозят изменения конфессиональных проявлений тех или других религий со временем остаются в задних вагонах поезда. Это мы ныне имеем в поезде православия, поскольку оно не пережило то аджорнаменто, к которому обратился католицизм, чтобы быть на острие мировоззрения и мироотношения своих верных. Поэтому временами на почве постмодернизированных христиан возникают и постмодернизированные Церкви. Некоторые постмодернистские христианские сообщества (правда, еще с незначительным количеством верных) уже функционируют. Следовательно, постмодерн обуславливает не конец христианства, а начало нового его парадигмального проявления. Скорее это имел ввиду известный священник-религиовед А.Мень, когда сказал, что христианство сейчас только начинается. Характерно, что постмодерн является более близким к истоковому христианству, к непереинтерпретированному Соборами и Отцами Церкви новозаветному учению Иисуса Христа, чем его так называемые исторические течения.